

АНДРЕЙ МЕРКИН

ЗАПИСКИ
«ЛЕСНИКА»

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М52

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Серия «Звезда футбола»

Оформление обложки — *Владислав Воронин*

Иллюстрации — *Слава Николаев*

Меркин, Андрей Леонидович.

М52 Записки «лесника» : [сборник рассказов] /
Андрей Меркин. — Москва : Издательство АСТ,
2022. — 320 с. — (Звезда футбола).

ISBN 978-5-17-146450-9

Какой бы теплой ни была ностальгия по былым временам, невозможно, оглядываясь назад, не замечать парадоксальные реалии 80-х, 90-х и «нулевых» годов. Дефицит и рэкет, вещевые рынки и массовая эмиграция, громкие победы и не менее оглушительные поражения... И хорошо, если у вас достаточно чувства юмора, чтобы вспоминать эти реалии с улыбкой!

Андрей Меркин, легендарный болельщик московского «Спартака», умеет вспоминать правдиво, смешно и с изрядной долей самоиронии.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-146450-9

© Меркин А.Л., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

МОЙ ДЕТСКИЙ ФОТОАЛЬБОМ

Черно-белые фотографии — едва ли не последний из осколков нашего детства. Дворы, где мы бегали наперегонки, давно уже скукожились: когда-то огромное пространство теперь воспринимается совершенно иначе. Машины, мусорные контейнеры, спешащие прохожие... Все другое, все иначе. Лишь изредка мелькнет тень из прошлого, уловимая, только если не искать взглядом нарочно.

Чем старше мы становимся, тем сильнее любовь к воспоминаниям. Вероятно, это связано с возникновением пауз в некогда бешеном ритме жизни. Когда вам за сорок, жизнь, как правило, уже бежит по рельсам. Дом, работа, семья, друзья, хобби, болезни. Меньше открытий, больше размеренности. Больше времени, чтобы подумать о себе. Или вспомнить — самого себя. Старые фотоальбомы могут помочь здесь больше, чем что-то иное.

Мое поколение, подозреваю, было последним, кого снимали на черно-белые фотокарточки. Одни и те же наряды, один и тот же антураж. Если море, то Крым — Анапа, Евпатория, реже Сочи. Если отдых, то на природе — костер, корзинки с грибами, палатки, байдарки. Если досуг, то пионерлагерь или кружок в Доме пионеров.

Только сейчас, уже в другом времени и в другой стране, понимаешь, что в СССР действительно был построен коммунизм. Для одной категории советских граждан — детей. Те самые кружки, спортивные секции, лагеря, группы продленного дня, детские сады и ясли, библиотеки и все остальное, что с ходу не вспомнить. Где было уютно, весело и бесплатно. И где, кажется, существовали только мальчишки. Лет до четырнадцати точно — до перехода из пионерского измерения в совершенно иную жизнь — комсомольскую.

В моем фотоальбоме, навряд ли существенно отличающемся от сотен таких же, множество смазанных снимков, сделанных неуверенной любительской рукой. Не знаю, что скажут сегодняшним двенадцатилеткам такие слова, как «проявитель», «закрепитель», «увеличитель», «кадрирующая рамка», но были дни, когда для нас они звучали будто музыка. Фотолюбитель — это звучало в рифму с тремя из четырех вышеназванных заклинаний. Фотолюбителями были почти все. Ставя опыты друг на друге, мы потом не знали, что делать с получившимися неловкими снимками, запихивая их в итоге на последние страницы раздувавшегося альбома.

Снимки всегда делались во дворе и лишь изредка — в квартирах. Дворовая жизнь состояла из футбола летом и футбола вперемешку с хоккеем зимой. Мы позировали сами перед собой в одинаковых кроликовых треухах и обледеневших рейтузах либо в таких же куцых шортах и маечках — в зависимости от времени года. На следующий день фотографии приносились в школу, и изучение их могло стать причиной срыва урока.

Дивный, дивный мир — сказал бы иностранный классик и не ошибся бы.

Это был не только коммунизм, но и сказка. По которой, подозреваю, сегодня тоскуют все те, кто рос в точно таком же обычном советском детстве.

От которого у нас остались старые черно-белые фотографии. Ну и воспоминания, разумеется.

Как каждый порядочный человек, я люблю перечитывать Довлатова. Любая его книга мало того, что талантлива, так еще и удобна: взял не глядя томик из собрания сочинений, открыл как получилось — и с головой ушел в чтение.

Когда я читаю Довлатова, мне кажется, что это и про мою жизнь тоже. Хотя я никогда не был на Колыме или в Нью-Йорке, а Таллин с Пушгорами знаю исключительно как турист.

Но все равно — это мое, кем бы ни был сегодняшний я. Советский Союз оказался настолько неразрывно связан с каждым из нас, тех, кто вырос в нем, что это уже неотделимо. Удивительно, что это совсем не тоска по молодости или каким-то тогдашним радостям. Это нечто другое, необъяснимое. Ощущение странной общности. Причастности к истории каждого твоего сверстника или человека более старшего поколения, прошедшего через точно такие же дни и обстоятельства.

Довлатов умеет вызывать эту щемящую ностальгию лучше, чем кто бы то ни было. Поэтому, полагаю, он так обожаем. Стабильно обожаем, непреходяще.

У него получилось то, что встречается у Санаева, Горчева, Иванова, Гришковца, но недотягивает до его меры. У них большая литература, а у Довлатова жизнь.

Мне казалось, что Довлатов единственный. Он действительно единственный, но нашелся человек, спо-

МЕРКИН АНДРЕЙ

собный вызвать у меня точно такие же ощущения, что и Сергей Донатович.

Его книга сейчас в ваших руках. Его зовут Андрей Меркин.

Я читал «Записки “лесника”» в рукописи и не мог оторваться. Словно кто-то перенес меня в ту мою жизнь, но меня сегодняшнего, уже накопившего какой-то личный опыт, уже по-взрослому смотрящего на жизнь.

Мы все — люди пишушие. Чем дальше — тем больше. Рассказом о своей жизни вряд ли кого-то можно удивить. Андрей тоже не удивил — он наверняка и не ставил такой задачи.

Он, сам того не представляя, создал машину времени, которая унесла меня навстречу моей памяти. Я думал, что многое помню и многое забыл. Оказалось, я могу многое вспомнить — через почти три десятка лет.

Уверен, с вами произойдет то же самое. Так что спасибо Андрею. Читайте — не пожалеете.

Это ведь и про вас тоже.

*Илья Казаков,
с мая 2005 по август 2015 —
пресс-атташе
сборной России по футболу,
комментатор телеканалов
ВГТРК «Россия» и «Россия 24»*

*Моей любимой жене Любе
посвящается*

ОТ АВТОРА

После написания первой книги «Просто wasy и “Спартак”» прошло несколько лет.

И, по правде говоря, я уже даже и не думал, что когда-нибудь вновь возьмусь за перо.

Но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает.

Мои хорошие товарищи и друзья буквально уговорили меня написать этот роман.

Роман не о футболе и «Спартаке», однако, видно, такая у меня судьба, что без них никуда. Поэтому некоторые главы посвящены игре миллионов и плотно переплетаются с судьбой автора, и не только его одного.

Книга написана по памяти, без использования справочных материалов или других литературных источников.

Все это — веселое глумление над действительностью, от первого и до последнего слова.

А вам, дорогие друзья, судить — насколько этот труд удался и удался ли вообще.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СОКОЛЬНИКИ

ПЕРВОКЛАШКА

Осенью 1964 года я пошел в первый класс. Много-много цветов, добрая старушка-учительница с проседью в волосах. На ней зеленая кофточка на пуговицах.

Выступает директор школы. Директриса уже депутат райсовета, холеная дама с бюстом мадам Грицацуевой. Мне она кажется верховной властью и вершителем наших маленьких детских судеб.

Одноклассники с мамами и одноклассницы с огромными бантами белого цвета. Банты вплетены прямо в пышные каштановые кудри.

Воздух дрожит от торжественности и партийных славословий. В этой школе я проучился ровно десять лет.

Серое здание эпохи развитого социализма с огромными лестничными пролетами.

Первая любовь, первая подтертая «пара» в дневнике, первая запись: «Завтра в школу с родителями».

Начинали писать перьевыми ручками, их макали прямо в чернильницу. Чернильница в парте — зеленого цвета, под цвет одежды классной руководительницы.

Высунув язык от напряжения, делаю наклон пером в нужную сторону, но буквы пляшут, как в безумном рок-н-ролле.

Зато читаю уже бегло, по крайней мере огромные матерные слова, вырезанные на парте перочинным но-

жиком моими предшественниками. «Кто тут сидит, того люблю, кладите в парту по рублю». И слово из трех букв. Без него никуда.

ЛЕНИН

В школу меня привели папа и мама, как и любого маленького человечка-первоклассника.

Мама была коренная москвичка, женщина строгая и правильная. Именно от нее я получил первые в жизни уроки приличного поведения и хорошего тона.

Папа — человек более мягкий, он и сейчас живет со мной в Берлине, ему уже 92 года.

Родился он в Рыбинске, а в Москву перебрался в начале тридцатых годов совсем еще не оперившимся юнцом.

Я был еще школьником начальных классов, когда папа поведал мне интересную и поучительную историю, которая запала в память.

Середина двадцатых годов, расцвет НЭПа.

Мой дедушка, а он умер еще до войны, работал портным и шил брюки — или штаны, про которые позже Ильф и Петров скажут, что их нет.

Папина сестра перманентно ездила в Москву за тканью, а остальные члены семьи продавали дедушкину продукцию на базаре.

И вот лютой зимой 1924 года, аккуратно в конце января, тетя съездила в Москву за очередной порцией ткани. Ее встречают у поезда, папа тоже тут, как самый маленький и почетный член семьи.

— А где же ткань? — спрашивают все.

— Ткани нет, — виновато говорит тетушка, понутив голову.

— Как нет? Ведь столько заказов на штаны!

— В Москве все закрыто. Какой-то Ленин умер...

Немая сцена — в Рыбинске простые люди понятия не имели, кто такой вождь мирового пролетариата.

А директриса нашей школы уже во втором классе нацепила мне на серый мышинный пиджак, цвета крысы Шушеры, маленький октябрятский значок с анфасом вождя мирового пролетариата.

Меня так и перло по наивности выдать депутатше всю правду-матку, но хватило детских мозгов промолчать и выдавить из себя:

— Октябренок — помощник пионеров и комсомольцев.

Хотя за папу было очень обидно. Оставить весь Рыбинск без портков — это было выше моих сил и детского неокрепшего сознания.

БОЛЬНИЧКА ОДИН

Вскоре случилось неприятное событие. Меня положили в больницу на операцию.

Вырезали аденоиды. Родители уговорили меня, хотя боялся я страшно, зато обещали дать мороженое в неограниченном количестве — на это я и купился.

Было очень больно, я кричал, гулкое эхо отдавалось в длинных и серо-сырых больничных коридорах.

Потом, в палате, я первый раз увидел, как мальчика лет десяти вынесли в коридор. Ему неудачно удалили гланды, и кровь пошла горлом.